
Регуляция эмоций у лиц с повышенным риском психической травматизации (на выборке сотрудников МВД)

Падун М.А., кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Институт психологии РАН, ФГБУН ИП РАН, Москва, Россия (maria_padun@inbox.ru)

Сорокко Е.А., старший психолог ОРЛС ОВД России по городу Северодвинску, г. Северодвинск, Архангельская область, Россия (eu.sorokko@yandex.ru)

Статья посвящена изучению стратегий регуляции эмоций у сотрудников органов внутренних дел (ОВД) в сравнении с лицами, деятельность которых не связана с риском психической травматизации. Гипотеза заключалась в том, что занятость в деятельности, связанной с риском психической травматизации, сопряжена со специфическими паттернами регуляции эмоций, которые заключаются в подавлении эмоциональной экспрессии и искажениях в представлениях о собственном эмоциональном самочувствии. Наряду с опросниковыми методиками применялся Тест имплицитного позитивного и негативного аффекта — ИПАНАТ. Показано, что сотрудники ОВД в большей степени искажают ответы в самоотчетных методиках, чем лица, не связанные с работой в системе правопорядка. Сотрудникам ОВД свойственно реже прибегать к регуляции эмоций и чаще подавлять эмоции, чем людям, чьи профессии не связаны с риском психической травматизации. Среди сотрудников ОВД есть значительная подгруппа лиц, для которых свойственно рассогласование эксплицитных и имплицитных оценок эмоциональных состояний. Для этой группы характерны дисфункциональные стратегии регуляции эмоций, связанные с руминациями и катастрофизацией значения эмоциогенных ситуаций.

Ключевые слова: эксплицитный аффект, имплицитный аффект, социальная желательность, регуляция эмоций, подавление эмоций.

Для цитаты:

Падун М.А., Сорокко Е.А. Регуляция эмоций у лиц с повышенным риском психической травматизации (на выборке сотрудников МВД). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019(9). № 4. С. 59-74.
doi: 10.17759/psylaw.2019090405

For citation:

Padun M.A., Sorokko E.A. Emotion regulation in persons with an increased risk of mental trauma (on the example of the internal affairs officers). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i

pravo [Psychology and Law], 2019(9), no. 4. pp.59-74.
doi: 10.17759/psylaw.2019090405

Регуляция эмоций представляет собой совокупность эксплицитных и/или имплицитных психических процессов, направленных на ослабление, усиление или удержание на одном уровне интенсивности и валентности эмоциональной реакции или эмоционального состояния [8; 9; 19; 21].

Факторы регуляции эмоций имеют большое значение в развитии посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). ПТСР характеризуется своего рода порочным кругом: вторжение травматического опыта — возбуждение — попытка избегания (подавления) — повторное вторжение. Таким образом, избегание эмоций, связанных с травматическими переживаниями, является одним из механизмов развития ПТСР [10].

Служебные условия профессиональной деятельности сотрудников ОВД содержат в себе различные факторы, оказывающие потенциальное стрессовое и психотравмирующее воздействие. Можно выделить две группы таких факторов [2]. К первой относят *морально-психологические* воздействия: 1) наблюдаемое и осознаваемое нарушение общественного порядка и понимание своего долга в пресечении нарушения и восстановлении порядка; 2) человеческие потери, лишения, разруха: гибель людей, трупы, жертвы, страдания, горе людей, их нужда, переносимые тяготы, материальный ущерб, призывы о помощи и др.; 3) общая дезорганизация жизни на территории, в городе, на дороге и пр., необычное поведение граждан; 4) большая значимость происходящих событий, понимание личной причастности к ним; 5) сознание ответственности за свои решения, поступки, действия и достижение необходимого профессионального результата; 6) опасность для здоровья и жизни граждан, находящихся в зоне происходящих экстремальных событий, а также своих коллег и себя лично. Ко второй группе относятся *профессионально-психологические* стресс-факторы, которые характеризуются общим воздействием на психику, затрудняющим реализацию обычных, отработанных ранее действий, успешно выполнявшихся в относительно спокойных рабочих условиях: новизна, необычность, внезапность; стремительность, дефицит времени; высокие и длительные нагрузки; неопределенность; риск.

Изучение последствий переживания стрессовых и психотравмирующих ситуаций у сотрудников ОВД представляет проблему. Феномен социальной желательности, как фактор, мешающий получению достоверных результатов по опросникам, крайне актуален для сотрудников правоохранительной системы. В исследованиях Академии ОВД под руководством М.И. Марьина [3] выявлена склонность руководителей ОВД к преувеличению своих лидерских возможностей. В.С. Павленин [7] рассматривает «социальную желательность» как фактор, искажающий информацию о проявлении агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. А.В.Осинцева [6], исследуя особенности мотивации личности, говорит о «... высокой вероятности влияния на результаты обследований с помощью опросных методов эффекта “социальной желательности”». В исследовании сотрудников ОВД, принимавших участие в военных конфликтах, проведенном Е.М. Пермогорской и М.А. Падун [15], была выявлена связь таких личностных характеристик, как высокая открытость опыту, добросовестность, экстраверсия и склонность к согласию, а также степень выраженности посттравматических стрессовых

реакций, с уровнем социальной желательности. Результаты наших исследований [13] также показали, что сотрудники ОВД отличаются склонностью к высокой социальной желательности. Было показано, что сотрудники ОВД склонны к искажению данных по самоотчетным методикам. Экспертные оценки адаптированности (по данным командиров) и субъективные оценки (по данным самоотчетов сотрудников) не согласуются между собой.

Не вызывает сомнения тот факт, что искажение оценок самоотчетов является общей методологической проблемой психологических исследований. Результаты применения эксплицитных (самоотчетных) методик диагностики эмоциональных состояний основываются на осознанной рефлексии индивида по поводу своего эмоционального состояния. Искажения по самоотчетным методикам происходят в соответствии с различными механизмами. Во-первых, далеко не все эмоциональные процессы доступны осознанию и рефлексии: в частности, амигдала (отдел мозга, связанный с генерацией эмоциональных реакций) может быть активирована в ответ на негативные стимулы, действующие за порогом восприятия. С другой стороны, сами люди имеют индивидуальные различия в способности к идентификации эмоций. Во-вторых, точность самоотчетов в диагностике эмоциональных состояний ограничена тем, что определенные связанные с эмоциями ментальные репрезентации являются угрозой для самоуважения и самооценки. Данные тенденции могут функционировать как на неосознанном, так и на осознанном уровне [4]. Например, сложности в том, чтобы принять в себе такие чувства, как гнев или печаль, приводят к подавлению и, соответственно, к искажению в самоотчетах. В-третьих, мотивация одобрения (желание нравиться другим) может быть усилена давлением факторов ситуации (например, при профессиональном отборе).

Для преодоления ограничений самоотчетных методик диагностики эмоциональных состояний немецкими учеными был разработан тест диагностики имплицитного аффекта [22]. Эти авторы считают, что *имплицитный аффект* — это автоматическая активация когнитивной репрезентации эмоционального опыта. Авторы рассматривают имплицитный аффект как следствие переработки эмоциональной информации на так называемом «схематическом уровне». На этом уровне перерабатываются репрезентации эмоционального опыта, в которых интегрируется информация, идущая от восприятия и моторной сферы, не прошедшая переработку сознательной рефлексией. В свою очередь, эксплицитный аффект является результатом переработки эмоциональной информации на «концептуальном уровне», который предполагает рефлексивность [4].

Особую значимость представляет проблема соотношения процессов регуляции эмоций и формирования искажений в представлениях о собственных эмоциях, исследование которой может привести к пониманию факторов риска девиантного поведения и других признаков дезадаптации у лиц с профессиональным риском психической травматизации.

Гипотеза: занятость в профессиональной деятельности, связанной с риском психической травматизации, сопряжена со специфическими паттернами регуляции эмоций, которые заключаются в подавлении выражения эмоций вовне и искажениях в представлениях о собственном эмоциональном самочувствии.

Частные гипотезы.

1. Сотрудники ОВД реже прибегают к регуляции эмоций и в большей степени склонны к подавлению эмоций, чем лица, не связанные с работой в системах с повышенным риском психической травматизации.
2. Сотрудники ОВД демонстрируют *большую* социальную желательность по сравнению с лицами, не связанными с работой в органах охраны правопорядка.
3. В группе сотрудников ОВД может быть выделена группа лиц, демонстрирующая расхождение в эксплицитных и имплицитных оценках эмоциональных состояний.
4. В подгруппе лиц, демонстрирующих расхождение в эксплицитных и имплицитных оценках эмоциональных состояний, могут быть выделены и описаны паттерны регуляции эмоций, отличные от таковых у лиц с согласованными имплицитными и эксплицитными оценками эмоциональных состояний.

Выборка

Основная группа в количестве 80 человек — сотрудники ОВД обоего пола, выполняющие служебные обязанности в различных подразделениях полиции (патрульно-постовая служба, дознание, конвойное подразделение, ГИБДД) Архангельской области в возрасте от 24 до 49 лет (53 мужчины).

Контрольная группа в количестве 74 человек — это лица от 20 до 45 лет (33 мужчины), соответствующие представителям экспериментальной группы по возрасту и образованию, чья профессиональная деятельность не связана с риском психической травматизации.

Методики

В качестве диагностического инструментария предполагается использование следующего комплекса методик.

1. *Шкала позитивного и негативного аффекта (ШПАНА)* [5; 23] — предназначена для определения уровня и направленности аффекта (позитивный/негативный).
2. *Шкала мотивации одобрения Кроуна—Марлоу* [16] – предназначена для изучения социальной желательности.
3. *Опросник когнитивной регуляции эмоций (ОКРЭ)* [17,18] — предназначен для оценки когнитивных стратегий в процессе регуляции эмоций. Шкалы опросника.
  - I. «Самообвинение» — мысли, в которых человек винит себя за случившееся (например: «Я чувствую, что именно я в ответе за это»).
  - II. «Принятие» — мысли о принятии того, что случилось («Я думаю, что должен принять то, что случилось»).

III. «Руминации» — постоянные размышления о мыслях и чувствах, связанных с пережитой трудной ситуацией («Я размышляю о своих чувствах по поводу того, что мне пришлось пережить»).

IV. «Позитивная перефокусировка» — отвлечение на мысли о других, более приятных событиях и ситуациях вместо размышлений о пережитых затруднениях («Я думаю о более приятных вещах, чем то, что я испытал»).

V. «Фокусирование на планировании» — размышления о том, какие следующие шаги лучше предпринять по отношению к случившемуся («Я думаю о том, как мне лучше всего справиться с этой ситуацией»).

VI. «Позитивная переоценка» — поиск положительного смысла в произошедшем событии в целях личностного роста или приобретения нового опыта («Я думаю, что я могу вынести что-то полезное из этой ситуации»).

VII. «Рассмотрение в перспективе» — снижение исключительной значимости события за счет его сравнения с другими ситуациями («Я думаю, все могло быть гораздо хуже»).

VIII. «Катастрофизация» — мысли о глобальных размерах произошедшего события и его отрицательных последствиях («Мне кажется, что то, что пережил я, намного хуже того, что довелось пережить другим»).

IX. «Обвинение других» — перекладывание вины за пережитое человеком событие на окружающих (например: «Я считаю, что виноваты другие»).

4. *Опросник регуляции эмоций (ОРЭ)* адаптированный И.Н. Дорофеевой, М.А. Падун [1, 20] — направлен на оценку двух стратегий регуляции эмоций: «подавление» и «когнитивная переоценка».

Для понимания закономерностей эмоциональных состояний сотрудников ОВД респондентам основной группы была дополнительно предложена методика *Тест Имплицитного позитивного и негативного аффекта (ИПАНАТ)* в апробации О.В. Митиной и др. [4; 22].

Результаты и их обсуждение

Самооценка эмоциональных состояний и социальная желательность. Анализ различий в характеристиках эмоциональных состояний показал, что сотрудники ОВД сообщают о меньшей выраженности негативных эмоций по сравнению с респондентами контрольной группы. Уровень позитивного аффекта в двух группах не различается (табл. 1).

Таблица 1

Различия в выраженности позитивного/негативного аффекта между группой сотрудников ОВД и контрольной группой

Субшкалы	Сотрудники ОВД				Контрольная группа				Z	U Манна — Уитни	p
	n	Me	Min	Max	n	Me	Min	Max			
Позитивный аффект (ШПАНА)	80	35	26	49	74	36	17	48	-0,71	2763,5	0,476
Негативный аффект (ШПАНА)	80	12	10	25	74	22	11	44	-8,57	594,5	0,000

Полученный результат дает различные основания для интерпретации. Во-первых, можно предполагать, что отбор сотрудников в структуры ОВД действительно предполагает, что люди с выраженными негативными эмоциональными состояниями в подобные организации не попадают. С другой стороны, деятельность сотрудников ОВД сопряжена с большим стрессом и риском травматизации, чем деятельность лиц неэкстремальных профессий, что повышает вероятность развития негативных эмоциональных состояний. Таким образом, неясно, каков механизм этих различий. Для его прояснения были определены различия в социальной желательности между сотрудниками ОВД и контрольной группой. Полученные различия ($U=850,5$; $p < 0,000$) говорят о том, что показатели социальной желательности у сотрудников ОВД значительно выше, чем в контрольной группе. Этот факт свидетельствует в пользу изначальных предположений о возможных эффектах искажения самоотчетной информации сотрудниками ОВД. Данный вывод также подтверждается тем, что именно выраженность негативного аффекта отрицательно коррелирует с социальной желательностью в обеих группах (табл. 2), что говорит об уязвимости этого показателя в плане достоверности ответов. Следует отметить, что связь между самооценкой негативного аффекта и социальной желательностью значительно больше выражена в группе сотрудников ОВД, чем в контрольной группе.

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Спирмена между социальной желательностью (СЖ) и показателями позитивного/негативного аффекта

Субшкалы	СЖ (Сотрудники ОВД)		СЖ (Контрольная группа)	
	г	р	г	р
Позитивный аффект (ШПАНА)	0,11	0,371	0,11	0,371
Негативный аффект (ШПАНА)	-0,36	0,004	-0,24	0,035

Регуляция эмоций у сотрудников ОВД. Анализ стратегий регуляции эмоций «подавление» и «когнитивная переоценка» показал, что сотрудники ОВД в большей степени склонны к подавлению эмоций, чем лица, не связанные с работой в системах с повышенным риском психической травматизации (табл. 3). Расчет осуществлялся с применением t-критерия Стьюдента, так как распределение показателей по шкалам «подавление» и «когнитивная переоценка» соответствует нормальному.

Таблица 3

Различия в стратегиях регуляции эмоций «подавление» и «когнитивная переоценка» между сотрудниками ОВД и контрольной группой по t-критерию Стьюдента

Субшкалы	Сотрудники ОВД			Контрольная группа (			t	p
	n	M	SD	n	M	SD		
Когнитивная переоценка (ОРЭ)	80	29,23	6,71	74	30,5	6,67	1,13	0,259
Подавление (ОРЭ)	80	15,5	4,04	74	14,01	4,68	-2,11	0,036

Таким образом, сотрудникам ОВД в большей степени свойственна сдержанность в выражении эмоций, чем людям, чья деятельность не связана с риском. Понятно, что род занятий сотрудников ОВД в некоторой степени предполагает способность «отодвигать» эмоциональные переживания (особенно в экстремальных ситуациях), с другой стороны, подавление эмоций может выступать в качестве фактора риска психосоматических и поведенческих нарушений (например, неожиданной агрессивности по типу «парового котла»).

Анализ различий в когнитивных стратегиях регуляции эмоций показывает, что сотрудники ОВД в целом реже прибегают к регуляции эмоций, чем представители контрольной группы (табл. 4). Причем это касается не только дисфункциональных стратегий («самообвинение», «руминации», «катастрофизация», «обвинение других»), но и вполне конструктивных стратегий («рассмотрение в перспективе», «позитивная переоценка»).

Таблица 4

Различия в стратегиях когнитивной регуляции эмоций между сотрудниками ОВД и контрольной группой

Субшкалы ОКРЭ	Сотрудники ОВД (N=80)				Контрольная группа (N=74)				Z	U Манна — Уитни	p
	Rank	Me	Min	Max	Rank	Me	Min	Max			
	Sum				Sum						
Самообвинение	7195,5	0	4	9	4739,5	13	8	19	5,28	1499,5	0,000
Принятие	6875,5	9	4	7	5059,5	12	5	19	4,12	1819,5	0,000
Руминации	7573,5		4	8	4361,5	13	5	20	6,65	1121,5	0,000
Позитивная перефокусировка	5237,5	11	4	0	6697,5	10	4	17	-1,80	2462,5	0,071
Фокусирование на планировании	5870,5	14	5	0	6064,5	15	7	19	0,49	2824,5	0,622
Позитивная переоценка	6418,5	14	6	0	5516,5	16	6	20	2,47	2276,5	0,013
Рассмотрение в перспективе	6489,0	10	4	9	5446,0	12	5	19	2,73	2206,0	0,006
Катастрофизация»	6905,0	5	4	2	5030,0	7	4	20	4,23	1790,0	0,000
Обвинение других»	6781,5	7	4	2	5153,5	8	4	16	3,78	1913,5	0,000

Соотнесение между собой феноменов социальной желательности и регуляции эмоций, а также принятие во внимание особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД дает основания к более глубокому изучению особенностей эмоциональных состояний и их регуляции у сотрудников ОВД с использованием методов, позволяющих получить объективную информацию в обход социальной желательности.

Согласованность эксплицитных и имплицитных оценок негативных эмоциональных состояний. Наиболее важной для анализа переменной является выраженность негативного аффекта (она коррелирует с социальной желательностью и в своих высоких значениях является признаком неблагополучия). В связи с этим критерием для выделения подгрупп в выборке сотрудников ОВД стало соотношение эксплицитных и имплицитных показателей выраженности негативных эмоциональных состояний (НА — эксплицитный негативный аффект; ИНА — имплицитный негативный аффект). Кластерный анализ позволил выделить в группе сотрудников ОВД три подгруппы, между которыми были выявлены значимые различия в выраженности эксплицитных и имплицитных негативных аффектов (табл. 5).

Таблица 5

Средние значения и стандартные отклонения по кластерам согласованности оценок имплицитного и эксплицитного аффекта

Показатели	Кластер 1 (N=32)	Кластер 2 (N=15)	Кластер 3 (N=33)
	М (SD)	М (SD)	М (SD)
НА (ШПАНА)	10,31 (0,47)	19,93 (2,40)	13,15 (1,25)
ИНА (ИПАНАТ)	1,47 (0,36)	1,98 (0,45)	1,95 (0,43)

Первый кластер был назван «Адаптивный баланс имплицитного и эксплицитного аффекта» (совпадение эксплицитных и имплицитных оценок благополучного эмоционального состояния — низкий имплицитный и низкий эксплицитный негативный аффект). Данная подгруппа включает 32 сотрудника, для которых характерна согласованность данных методик имплицитного и эксплицитного уровня переработки эмоциональной информации. С одной стороны, можно рассматривать эту группу в качестве контрольной по отношению к двум другим кластерам. С другой стороны, представителей данной подгруппы отличает высокий уровень социальной желательности в сравнении с двумя другими подгруппами (с кластером 2: $U=79,5$; $p<0,05$; с кластером 3: $U=213,5$; $p<0,05$). Данный факт может быть по-разному интерпретирован. Во-первых, есть современные данные о низкой валидности шкалы Марлоу—Кроун (Осин, 2011), в связи с чем можно поставить под вопрос значимость результатов по шкале социальной желательности. Во-вторых, нельзя исключить, что среди этой большой группы «благополучных» с точки зрения эмоциональной регуляции сотрудников есть часть тех, кто маскируется под данные личностные характеристики.

Второй кластер был назван «Неблагополучный баланс имплицитного и эксплицитного аффекта» (совпадение эксплицитных и имплицитных оценок неблагополучного эмоционального состояния — высокий эксплицитный и высокий имплицитный негативный

аффект. Данная подгруппа включает 15 сотрудников ОВД, для которых характерна осознанность и рефлексия своего состояния. Об этом свидетельствует не только согласованность данных методик имплицитного и эксплицитного уровня переработки эмоциональной информации, но и низкие показатели социальной желательности. «Неблагополучие» баланса — это объективная информация о своем состоянии субъективного дистресса, раздражительности, гнева, неудовлетворенности.

Представители данной подгруппы характеризуются как способные к рефлексии, осознанности и аутентичным ответам (не боятся признаваться в собственной уязвимости). Оценка эмоционального благополучия/неблагополучия у данной категории сотрудников возможна с использованием эксплицитных (самоотчетных) методов. При этом есть некоторые основания прогнозировать, что при длительном пребывании в условиях высокого риска психической травматизации сотрудники этой группы могут испытывать сильный дистресс.

Вместе с тем результаты по этой подгруппе можно рассматривать как проявление эмоционального неблагополучия только в рамках сравнения внутри данной выборки (с другими кластерами). Если же сравнивать их с нормативными [4; 5], полученными на больших выборках студентов, то значения эксплицитного и имплицитного негативного аффекта близки к средним.

Сотрудники, входящие в данную подгруппу, по сравнению с подгруппой эмоционально благополучных сотрудников имеют более высокие показатели по следующим стратегиям когнитивной регуляции эмоций: «руминации» (навязчивые размышления) ($U=79,5$; $p<0,001$), катастрофизация ($U=94,5$; $p<0,001$), «обвинение других» ($U=152,0$; $p<0,05$).

Третий кластер был назван «Дисбаланс имплицитного и эксплицитного аффекта» (несовпадение эксплицитных и имплицитных оценок негативного эмоционального состояния — высокий имплицитный — низкий эксплицитный негативный аффект). Данная подгруппа включает 33 сотрудника, особенности эмоциональной регуляции которых превращают их в «группу риска» из-за несогласованности данных об актуальном состоянии. Это значит, что оценка эмоционального неблагополучия у данной категории сотрудников невозможна с помощью эксплицитных (самоотчетных) методов, необходимо применение методов психофизиологической оценки (особенно при принятии решения о возможности направления сотрудника в условия высокого риска психической травматизации). Рассогласование имплицитных и эксплицитных показателей об особенностях своего эмоционального состояния можно интерпретировать как наличие у этой категории недостаточно осознаваемого (либо осознаваемого, но скрываемого) дистресса. У сотрудников, входящих в данную подгруппу, по сравнению с подгруппой эмоционально благополучных сотрудников также обнаруживаются различия по стратегиям когнитивной регуляции эмоций: «руминации» ($U=79,5$; $p<0,001$) и «катастрофизация» ($U=94,5$; $p<0,001$). Таким образом, по способам регуляции эмоций сотрудники ОВД из этой подгруппы мало чем отличаются от лиц с выраженным негативным аффектом (они так же склонны к повторяющимся навязчивым размышлениям по поводу эмоциогенной ситуации и преувеличению ее негативного значения) — с той разницей, что выраженный негативный аффект у данной подгруппы распознается только имплицитной методикой.

Проведенное исследование, с одной стороны, подтвердило выдвинутые гипотезы. С другой стороны, интерпретация и прояснение полученных данных требует дополнительных исследований. В частности, неясным остается вопрос, является ли «эмоционально благополучная» группа действительно таковой. Входящие в нее сотрудники ОВД обнаруживают согласование эксплицитных и имплицитных оценок, но имеют высокие показатели социальной желательности. Статус подгруппы с рассогласованием эксплицитных и имплицитных оценок, по всей видимости, требует дополнительного изучения с применением различных «неопросниковых» методов: психофизиологических, проективных, экспертных, экспериментальных.

Изучение социальной желательности у сотрудников ОВД мало проясняет запутанную ситуацию, существующую на данный момент в современной науке в связи с этим понятием. Искажение данных самоотчетных методик — методологическая проблема современной психологии, которая выглядит особенно актуальной в психодиагностике лиц опасных профессий. Использование имплицитных методов диагностики предполагает некоторый прогресс в направлении получения валидных данных. В дальнейших исследованиях предполагается использовать расширенные возможности методики ИПАНАТ, которая позволяет оценивать как выраженность имплицитного позитивного-негативного аффекта в целом, так и конкретные компоненты эмоциональных состояний по отдельным дескрипторам (например, «радостный» или «напряженный»).

Остается открытым вопрос об адаптивности подавления эмоциональной экспрессии у сотрудников ОВД. Известно, что в коллективистических культурах подавление эмоций является культурно нормативной стратегией и не демонстрирует корреляций с психологическим благополучием в отличие от индивидуалистических культур, где наблюдается отрицательная связь между подавлением эмоций и психологическим благополучием [14]. Наши исследования также дают основания предполагать, что подавление является для России культурно нормативной стратегией [12]. Вместе с тем в нашем предыдущем исследовании было показано, что для лиц с низким и средним нейротизмом (к которым принадлежат, по всей видимости, сотрудники ОВД) положительная связь между подавлением эмоций и выраженностью негативного аффекта все же существует, и пропадает она лишь у лиц с высоким нейротизмом [11]. Задачей будущих исследований может быть изучение психофизиологических механизмов подавления эмоций у лиц, работающих в условиях риска психической травматизации.

Финансирование

Работа выполнена по госзаданию ФАНО № 0159-2018-0007.

Литература

1. Дорофеева И.Н., Падун М.А. Особенности саморегуляции и профиль латеральной организации мозга // Психологический журнал. 2012. № 1. С. 101—111.
2. Мамонтова С.Н. Прикладная юридическая психология. М., «ЦДО МНЮИ», 2002. 898 с.
3. Марьин М.И., Котенев И.О., Киселева Л.Е. Методика экспертных оценок эффективности адаптации в управленческой деятельности выпускников Академии управления МВД России: учеб.-метод. пособие, М. «Академия МВД

России», 2011. 96 с.

4. Митина О.В., Падун М.А., Зелянина А.Н. Разработка русскоязычной версии методики «Тест имплицитного позитивного и негативного аффекта» // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 2. С. 104—121.
5. Осин Е.Н. Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 4. С. 91—110.
6. Осинцева А.В. Изучение мотивации сотрудников органов внутренних дел» // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 9. С. 6—13.
7. Павленин В.С. Психолого-педагогические факторы проявления агрессивности в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов»: дисс. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2004. 173 с.
8. Падун М. А. Регуляция эмоций: процесс, формы, механизмы // Психологический журнал. 2010. № 6. С. 57—69.
9. Падун М.А. Регуляция эмоций и ее нарушения [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 39. С. 5. URL: <http://psystudy.ru>. (дата обращения: 30.01.2019).
10. Падун М.А. Регуляция эмоций после психической травмы // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 74—84.
11. Падун М.А., Зелянина А.Н. Регуляция эмоций у лиц с различным уровнем нейротизма // Психология человека как субъекта познания, общения и деятельности / Отв. ред. В.В. Знаков, А.Л. Журавлёв. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1906—1913.
12. Падун М.А., Зелянина А.Н. Стратегии регуляции эмоций и эмоциональные состояния: кросскультурные аспекты // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М., «Институт психологии РАН». С. 1458—1467.
13. Падун М.А., Сорокко Е.А. Социальная желательность и подавление эмоций у сотрудников МВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 1(56). С. 40—43.
14. Панкратова А.А. Подход Дж. Гросса к изучению эмоциональной регуляции: примеры кросс-культурных исследований // Вопросы психологии. 2014. № 1. Р. 147—155.
15. Пермогорская Е.М., Падун М.А. Посттравматический стресс и семейные отношения у сотрудников ОВД — участников контртеррористических операций на Северном Кавказе [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2011. № 3(17). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.01.2019).
16. Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты, М.:

БАХРАХ-М, 2001. 672 с.

17. *Рассказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В.* Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 161—179.
18. *Garnefski N.* The Cognitive emotion regulation questionnaire: psychometric features and prospective relationships with depression and anxiety in adults // *European Journal of Psychological Assessment*. 2007. № 23. P. 141—149.
19. *Davidson R.J.* Affective style and affective disorders: perspectives from affective neuroscience // *Cognition and Emotion*. 1998. Vol. 12. P. 307—330.
20. *Gross J.J., John O.P.* Individual differences in two emotion regulation processes: implications for affect, relationships, and well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 85(2). P. 348—62.
21. *Gross J.J., Thompson R.A.* Emotion Regulation: Conceptual foundations // *Handbook of Emotion Regulation* / Ed. J.J. Gross. N.Y.: Guilford Press, 2007.
22. *Quirin M., Kazén M., Kuhl J.* When nonsense sounds happy or helpless: The Implicit Positive and Negative Affect Test (IPANAT) // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2009. Vol. 97. P. 500—516.
23. *Watson D., Clark L A.; Tellegen A.* Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988. Vol. 54. № 6. P. 1063—1070.

Emotion Regulation in Persons with an Increased Risk of Mental Trauma (on the example of the Internal Affairs officers)

Padun M.A., Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (maria_padun@inbox.ru)

Sorokko E.A., Senior Psychologist, Department of Work with Personnel of the Internal Affairs Directorate of Russia in the city of Severodvinsk, Severodvinsk, Arkhangelsk Region, Russia (eu.sorokko@yandex.ru)

The article is devoted to the study of emotion regulation strategies in officers of Department of internal affairs (DIA) in comparison with persons whose activities are not associated with the risk of mental trauma. The hypothesis is that employment in activities related to the risk of psychological trauma is associated with specific patterns of emotion regulation, which are suppression of emotional expression and misrepresentation in their own emotional state. Along with questionnaire methods, the Implicit Positive and Negative Affect Test - IPANAT was used. It is shown that police officers are more likely to deform answers in self-reporting methods than people not related to work in the police system. Police officers are likely to suppress emotions and less likely to resort to emotion regulation than persons whose profession is not associated with the risk of mental trauma. There is a significant subgroup of individuals among the police officers who are characterized by a mismatch of explicit and implicit assessments of emotional states. This group is characterized by dysfunctional strategies for emotion regulation associated with rumination and catastrophic significance of emotional situations.

Key words: explicit affect, implicit affect, social desirability, emotion regulation, emotion suppression.

Funding

This work has done according to the task of FASO № 0159-2018-0007.

References

1. Dorofeeva I.N., Padun M.A. Osobennosti samoregulyacii i profil' lateral'noj organizacii mozga. [Characteristics of self-regulation and profile of lateral asymmetry] / Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]. 2012. № 1. S.101-111. (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Mamontova S.N. Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya [Applied legal psychology]. M., 2002. 898 p.

3. Marin M.I., Kotenev I.O., Kiseleva L.E. Metodika ehkspertnyh ocenok ehffektivnosti adaptacii v upravlencheskoj deyatel'nosti vypusknikov Akademii upravleniya MVD Rossii. [Method of evaluation of adjustment in management activity in graduates of Russian Internal affair Academy]. Uchebno-metodicheskoe posobie, Moscow, 2011. 93 p.
4. Mitina O.V., Padun M.A., Zelyanina A.N. Razrabotka russkoyazychnoj versii metodiki «Test implicitnogo pozitivnogo i negativnogo affekta» [Development of Russian version of Implicit positive and negative affect test] // [Psychological journal]. 2017. V. 38. № 2. P.104-121. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Osin E.N. Izmerenie pozitivnyh i negativnyh ehmocij: razrabotka russkoyazychnogo analoga metodiki PANAS [Measurement of positive and negative emotions: development of Russian version of PANAS] // Psihologiya. ZHurnal Vysšej shkoly ehkonomiki. [Psychology. Journal of High School of Economics]. 2012. V. 9. № 4. P. 91-110. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Osinceva A.V. Izuchenie motivacii sotrudnikov organov vnutrennih del [The study of motivation of employees of the Ministry of Internal Affairs] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta [Tyumen university bulletin]. 2011. №9. P.6-13. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Pavlenin V.S. Psihologo-pedagogicheskie faktory proyavleniya agressivnosti v professional'noj deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov , Dis. kand. ped. nauk. [Psychological and pedagogical factors of aggressiveness in policeofficer's professional activity. Ph.D. (Pedagogy)]. Ekaterinburg, 2004. 173 p.
8. Padun M. A. Regulyaciya ehmocij: process, formy, mekhanizmy [Emotion regulation: process, forms, mechanisms] // Psihologicheskij zhurnal. [Psychological journal]. 2010. № 6. P. 57—69. (In Russ., abstr. in Engl.).
9. Padun M.A. Regulyaciya ehmocij i ee narusheniya. [Emotion regulation and its disturbances]. // Psihologicheskie issledovaniya. [Psychological researches]. 2015. 8(39). № 5. <http://psystudy.ru>. (accessed 30.01.2019). (In Russ., abstr. in Engl.).
10. Padun M.A. Narusheniya regulyacii ehmocij posle psihicheskoj travmy [Disturbances of emotional regulation after psychological trauma]. // Psihologicheskij zhurnal. [Psychological journal]. 2016. T. 37. № 4. P. 74 — 84. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Padun M.A., Zelyanina A.N. Regulyaciya ehmocij u lic s razlichnym urovnem nejrotizma. [Emotion regulation in individuals with different level of neuroticism] // Psihologiya cheloveka kak sub"ekta poznaniya, obshcheniya i deyatel'nosti [Psychology of cognition, communication and activity] / Otv. red. V. V. Znakov, A. L. ZHuravlyov. — M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2018. P. 1906-1913.
12. Padun M.A., Zelyanina A.N. Strategii regulyacii ehmocij i ehmocional'nye sostoyaniya: krosskul'turnye aspekty [Emotion regulation strategies and emotional states: cross-cultural aspects. // Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya sovremennoj psihologii: rezul'taty i perspektivy razvitiya [Fundamental and applied researches in modern psychology; results and perspectives]. Moscow, «Institut psihologii RAN», P. 1458-1467.

13. Padun M.A., Sorokko E.A. Social'naya zhelatel'nost' i podavlenie ehmocij u sotrudnikov MVD [Social desirability and emotional suppression in police officers] // Psihopedagogika pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogy in Internal Affairs]. 2014. № 1 (56). P.40-43.
14. Pankratova A.A. Podhod Dzh.Grossa k izucheniyu ehmocional'noj regulyacii: primery kross-kul'turnyh issledovanij. [J.Gross' approach to emotion regulation; examples of cross-cultural researches.] // Voprosy psihologii. [Questions of psychology]. 2014. N 1. P. 147—155.
15. Permogorskaya E.M., Padun M.A. Posttravmaticheskij stress i semejnye otnosheniya u sotrudnikov OVD — uchastnikov kontrterroristicheskikh operacij na Severnom Kavkaze [Posttraumatic stress and family relationships in police officers - participants in anti-terrorism operation in the North Caucasus // Psihologicheskie issledovaniya: ehlektron. nauch. zhurn. 2011. N 3(17). <http://psystudy.ru> (accessed: 31.01.2019).
16. Rajgorodskij D.YA. Prakticheskaya psihodiagnostika. [Applied psychodiagnostics]. BAHRAH-M, 2001.
17. Rasskazova E.I., Leonova A.B., Pluzhnikov I.V. Razrabotka russkoyazychnoj versii oprosnika kognitivnoj regulyacii ehmocij [Development of Russian version of "Cognitive emotion regulation questionnaire" // Vestnik MGU. Seriya 14. Psihologiya. [Bulletin of MSU. Psychology]. 2011. № 4. S.161-179.
18. Garnefski N. The Cognitive emotion regulation questionnaire: psychometric features and prospective relationships with depression and anxiety in adults / European Journal of Psychological Assessment. 2007. № 23. P. 141-149.
19. Davidson R.J. Affective style and affective disorders: perspectives from affective neuroscience // Cognition and Emotion. 1998. V. 12, P. 307—330.
20. Gross J.J., John O.P. Individual differences in two emotion regulation processes: implications for affect, relationships, and well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 2003. V. 85(2). P. 348—62.
21. Gross J.J., Thompson R.A. Emotion Regulation: Conceptual foundations // Handbook of Emotion Regulation / Ed. J.J. Gross. N.Y.: Guilford Press, 2007.
22. Quirin M., Kazén M., Kuhl J. When nonsense sounds happy or helpless: The Implicit Positive and Negative Affect Test (IPANAT). Journal of Personality and Social Psychology. 2009. V. 97. P. 500-516.
23. Watson D., Clark L A.; Tellegen A. Development and validation of brief measures of positive and negative affect: The PANAS scales // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. V. 54. № 6. P. 1063-1070.